

Говард Филлипс Лавкрафт
Тайна среднего пролета

Запретная книга – русский фэн-сайт Г.Ф. Лавкрафта

Содержание

I	4
II	11
III	24
IV	35

Говард Филлипс Лавкрафт Тайна среднего пролета

I

Эта рукопись была обнаружена в ходе официального расследования обстоятельств исчезновения Амброза Бишопа. Ее извлекли из бутылки, найденной неподалеку от сгоревшего дома и, вероятно, выброшенной оттуда во время пожара. Рукопись по сей день хранится в сейфе у шерифа города Аркхэм, штат Массачусетс.)

На седьмой день после отъезда из Лондона я прибыл в тот уголок Америки, куда мои предки переселились из Англии более двух веков тому назад. Забравшись в самое сердце глухой, безлюдной местности, простирающейся вдоль верховьев реки Мискатоник к северу от Данвича, что в штате Массачусетс, и миновав каменные стены, ограждающие вместе с кустами шиповника довольно длинный участок дороги за пиком Эйлсбери, я очутился в царстве могучих вековых деревьев, заслоняющих солнце, среди плантаций ежеви-

ки и развалин покинутых жилищ, изредка проглядывающих сквозь густой подлесок. Я чуть было не прошел мимо нужного мне дома, так как его не было видно за деревьями и кустами, а дорожка, ведущая к нему, заросла травой, и если бы не полуосыпавшийся каменный столб на обочине дороги с тремя последними буквами фамилии Бишоп, то я, пожалуй, так бы и не разыскал дома своего двоюродного деда Септимуса Бишопа, пропавшего без вести почти два десятилетия тому назад. Добрых полмили мне пришлось карабкаться вверх по склону холма, продираясь сквозь заросли шиповника и ежевики и перелезая через обломившиеся ветви и сучья деревьев, тянувшихся по обе стороны тропинки.

Дом, стоявший неподалеку от вершины, представлял собой приземистое двухэтажное сооружение, сложенное частью из каменных блоков, частью из бревен. Деревянная часть строения была некогда выкрашена в белый цвет, но с течением времени краска слезла, обнажив дощатую облицовку стен. При первом же взгляде на дом я поразился тому, насколько хорошо он сохранился: в отличие от тех руин, что я встретил по дороге, он был совершенно целехонек ни выбоин, ни разбитых стекол. Единственной частью строения, пострадавшей от времени и непогоды, была его деревянная надстройка, в особенности же венчавший ее круглый купол, где я различил несколько пррех, образо-

вавшихся, видимо, в тех местах, где прогнила древесина.

Дверь была отворена, однако расположенная перед ней крытая веранда надежно защищала внутренность дома от непогоды. Бегло оглядев помещение, я убедился в том, что в отсутствие хозяина в него никто не заходил вся мебель была на месте, на столе в кабинете лежала открытая книга, и если бы не толстый слой пыли и плесени, покрывавший все предметы, и не тяжелый затхлый дух, от которого, казалось, невозможно было избавиться никакими проветриваниями и уборками, то можно было подумать, что здесь по-прежнему живут люди.

Чтобы приобрести все необходимое для приведения дома в порядок, мне надо было вернуться в деревню, а потому я спустился на проезжий тракт, представлявший собой обычную лесную тропу с колеей, сел в автомобиль, взятый напрокат в Нью-Йорке, и поехал обратно в Данвич, убогую деревушку, приютившуюся между мутными водами реки Мискатоник и угрюмой громадой Круглой Горы, из-за которой в поселке царил вечный полумрак. Прибыв на место, я направился в единственный в округе универсальный магазин он располагался в здании бывшей церкви и был снабжен помпезной вывеской с именем своего владельца Тобиаса Уэтли.

Несмотря на некоторый опыт общения с жителями

глухих деревень в самых разных уголках планеты, я никак не был готов к приему, оказанному мне хозяином лавки обслуживая меня, этот седобородый старец с худым изможденным лицом не проронил ни слова и только после того, как я выбрал все необходимые мне товары и расплатился, он впервые поднял на меня глаза и произнес:

—Сдается мне, что вы нездешний.

—Точно, подтвердил я. Я из Англии. Но у меня тут жила родня. Бишопы. Может, слышали?

—Бишопы, повторил он шепотом. Вы сказали «Бишопы»? И, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне, старик добавил, на этот раз чуть громче: Ну да, вроде есть тут такие. Хотите сказать, что вы их родственник?

—Нет, ответил я. Я внучатый племянник Септимуса Бишопы.

При звуках этого имени с бледного лица Уэтли сошла последняя краска. Подавшись к прилавку, он сделал такое движение, будто хотел смахнуть с него купленные мною предметы.

—Э, нет! остановил я его. Это мой товар, я за него заплатил.

—Можете взять свои деньги обратно, буркнул хозяин. Я не имею дело с родней Септимуса Бишопы.

Для меня не составило особого труда вырвать из слабых рук старика свои покупки. Он отступил от прилавка и прислонился спиной к полкам.

—Но вы не пойдете к нему в дом? спросил он, снова перейдя на шепот. На лице его появилось беспокойное выражение.

—Это уж мне решать, сказал я.

—Никто из наших туда не ходит. Оставьте дом в покое, проговорил он раздраженно.

—С какой стати? возмутился я.

—А то вы не знаете!

—Знал бы, не спрашивал. Мне известно лишь то, что мой двоюродный дед пропал при невыясненных обстоятельствах девятнадцать лет назад и я прибыл сюда на правах его законного наследника. Где бы он теперь ни находился, он наверняка мертв.

—Он уже тогда был мертв, произнес хозяин, снова повысив голос. Его убили.

—Как убили? Кто?

—Люди. Те, что жили по соседству. Обоих прикончили.

—Но мой двоюродный дед жил один.

Этот деревенский олух со своими суеверными страхами начинал действовать мне на нервы. Судя по тому, как мало он знал о Септимусе Бишопе, можно было с уверенностью заключить, что его точка зрения представляет собой типичную реакцию темного, невежественного человека на образованность и ученость, каковыми в полной мере обладал мой двоюродный дед.

—Ночью... заживо зарыли в землю... бормотал Уэтли.

Обоих... а те их прокляли... потом их дома обрушились, и они один за другим поумирали...

На этой мрачной ноте я покинул магазин, поклявшись, что впредь буду ездить за покупками только в Аркхэм. Однако слова старика не выходили у меня из головы, а потому я решил отправиться в город немедленно, чтобы посмотреть там старые подшивки «Аркхэм Адвертайзер». Увы, мое благое намерение не получило достойного вознаграждения: просмотрев все номера за июнь соответствующего года, я нашел всего две корреспонденции из Данвича, и лишь в одной из них говорилось о Септимусе:

«До сих пор нет никаких известий о Септимусе Бишопе, исчезнувшем из своего дома в окрестностях Данвича десять дней назад. Мистер Бишоп не был женат, вел замкнутый образ жизни и за свои якобы сверхъестественные способности прослыл в округе знахарем и колдуном. Внешность: высок, худощав. Возраст: 57 лет».

Вторая заметка представляла собой любопытное сообщение об упрочнении одной из опор среднего пролета заброшенного моста через Мискатоник к северу от Данвича. Ремонт, по всей видимости, был осуществлен силами частных лиц, так как окружная администрация в ответ на критические замечания, раздававшиеся в ее адрес по поводу починки неиспользуемо-

го моста, категорически отвергла свою причастность к этому мероприятию.

Сопоставив содержание первой корреспонденции с тем, что я слышал от Тобиаса Уэтли, я еще раз убедился в том, что причина его странного поведения лежит в суевериях, распространенных среди коренных жителей. Старик всего-навсего выражал общепринятые взгляды взгляды, безусловно, смехотворные с точки зрения любого образованного человека в наш просвещенный век, когда вера в то, что не поддается научному объяснению например, во врачевание посредством наложения рук или в колдовство считается признаком невежества. Мой двоюродный дед Септимус Бишоп получил образование в Гарварде, и представители английской ветви семьи Бишопов знали его как человека большой учености и непримиримого противника каких бы то ни было суеверий. Уже смеркалось, когда я вернулся в усадьбу старого Бишопа. Мой двоюродный дед не удосужился провести в дом ни электричества, ни газа, зато свечей и керосиновых ламп здесь было в достатке, причем в некоторых из последних еще оставался керосин. Я зажег одну из ламп и приготовил себе скромный ужин. Потом я расчистил себе место в кабинете, где можно было улечься без особых неудобств, и сразу уснул.

II

С утра я занялся уборкой. Несмотря на летнюю жару, в доме стояла такая сырость, что все предметы в том числе и книги в кабинете, где я ночевал, были подернуты плесенью, и чтобы просушить эту часть здания, мне пришлось затопить камин.

Затем я протер мебель и подмел пол на первом этаже, где располагались кабинет с прилегавшей к нему спальней, кухонька, кладовая и столовая, служившая, скорее, в качестве книгохранилища, на что указывали горы книг и кипы бумаг. Управившись с первым этажом, я поднялся на второй, но прежде чем заняться им, последовал в помещение купола, куда вела узкая, рассчитанная на одного человека, лестница.

Купол оказался чуть просторнее, чем я предполагал, глядя на него снаружи в нем можно было стоять и перемещаться, не нагибаясь. Судя по наличию телескопа, купол использовался для астрономических наблюдений, хотя, на мой взгляд, это не могло служить достаточным объяснением тому факту, что пол в нем был покрыт всевозможными чертежами, состоявшими, по большей части, из кругов, пятиугольников и звезд. Среди многочисленных книг по астрономии я, к удивлению своему, обнаружил несколько трудов по астроло-

гии, причем довольно древних один из них датировался 1623 годом. Несколько текстов было на немецком языке, но большинство на латыни. Все они, без сомнения, принадлежали моему двоюродному деду, но зачем они ему понадобились, осталось для меня загадкой.

Помимо застекленного обзорного люка в северной части купола, в нем было еще отверстие для телескопа, закрытое изнутри щитом. Несмотря на многочисленные щели, образовавшиеся в тех местах, где под воздействием дождя и снега прогнила древесина именно на них я обратил внимание, подходя к дому, в помещении не было ни пыли, ни плесени, и, поразмыслив, я пришел к выводу, что если я все же решусь обосноваться здесь хотя бы на короткое время, то починка купола обойдется мне сравнительно дешево.

Но прежде надо было проверить, насколько хорошо сохранилась подвальная часть здания. Бегло осмотрев второй этаж он состоял из двух спален, двух уборных и кладовой, причем только одна из спален была меблирована, да и то выглядела так, будто ею ни разу не пользовались по назначению, я спустился на первый этаж, а оттуда в подвал, куда вела дверь из кухни.

Подвальное помещение занимало примерно половину той площади, на которой располагался дом. Стены были сложены из известняка и, как показывали оконные проемы, имели толщину полтора фута. Что

касается пола, то он был не земляной, как в подвалах большинства старых домов, а кирпичный. Это несколько озадачило меня, но, внимательно обследовав его при свете лампы, я пришел к выводу, что кирпич был настелен не при постройке дома, а значительно позже вероятно, уже при моем двоюродном деде Септимусе. В противоположных концах подвала виднелись два квадратных люка с большими железными кольцами. Один из них, судя по подведенной к нему из стены грубе и стоявшему здесь же насосу, прикрывал резервуар для воды. Под вторым, скорее всего, была яма для фруктов или овощей. Желая убедиться в правильности своего предположения, я приблизился к нему, взялся за кольцо и рванул крышку на себя.

Моему удивлению не было предела, когда вместо ямы моя лампа осветила ряд уходящих вниз кирпичных ступеней. Спустившись по ним, я очутился в тоннеле, который, насколько я мог судить, был прорыт в толще холма и уводил далеко за пределы дома в северо-западном направлении. Пригнувшись, я двинулся вперед по тоннелю, дошел до ближайшего поворота, завернул за него и остановился, теряясь в догадках относительно предназначения этого подземного коридора.

Не без оснований рассудив, что тоннель был прорыт по инициативе моего двоюродного деда, я уже было собрался повернуть назад, как вдруг свет моей лампы

упал на какой-то металлический предмет на небольшом расстоянии впереди, и, сделав еще несколько шагов, я очутился перед новым люком. Открыв его, я увидел под собой большую круглую комнату, в которую вело семь кирпичных ступеней.

Не в силах противиться искушению, я сошел вниз и огляделся по сторонам, высоко подняв лампу. Посреди комнаты высились какие-то загадочные сооружения из камня, образуя композицию в виде алтаря и ряда скамей. А на кирпичном, как и в подвале, полу виднелось множество небрежно выполненных схем, весьма напоминающих те, что я видел в доме. Но если наличие астрономических чертежей под куполом объяснялось тем, что оттуда открывался вид на небо, то для чего они были нужны здесь, осталось для меня тайной.

Зато я ничуть не удивился, когда увидел в полу перед алтарем очередной люк. Соблазн взяться за большое железное кольцо был велик, но интуиция подсказала мне не делать этого. Я ограничился тем, что приблизился к нему, однако и этого оказалось достаточно, чтобы ощутить сквозняк и сделать вывод, что под этой подземной комнатой есть потайной ход, ведущий наружу. Я вернулся в тоннель, но не пошел обратно в дом, а проследовал дальше. Пройдя примерно с три четверти мили, я уперся в массивную деревянную дверь, запертую на засов с моей стороны. Я поставил лампу на пол, снял засов и толкнул дверь. Передо мной воз-

никили густые заросли, благодаря которым вход в тоннель был надежно замаскирован от посторонних глаз. Я двинулся напролом через чащу, и вскоре моему взору открылся великолепный вид на сельскую местность, расстилавшуюся далеко во все стороны от подножия холма, на склоне которого я стоял. На некотором расстоянии впереди виднелся Мискатоник с перекинутым через него каменным мостом; повсюду были разбросаны одиночные фермы, но, судя по их запущенному виду, в них уже никто не жил. С минуту я стоял, замороженно глядя на развернувшуюся передо мной панораму, а затем пустился в обратный путь, размышляя на ходу о предназначении хитроумного тоннеля, подземной комнаты и того, что в ней находилось. Так и не придя ни к какому определенному выводу, я остановился на том, что все это служило в качестве потайного хода, но зачем и кому был нужен этот ход, осталось для меня неясным.

Вернувшись в дом, я решил, что вторым этажом займусь как-нибудь в другой раз, а пока попытаюсь навести порядок в кабинете. Бумаги, разбросанные по столу и вокруг него, отодвинутый в спешке стул все указывало на то, что мой двоюродный дед был срочно куда-то вызван и покинул кабинет, оставив в нем все, как есть, с тем чтобы никогда больше в него не вернуться. Я знал, что мой двоюродный дед Септимус Бишоп, будучи человеком состоятельным, всецело посвятил се-

бя научным изысканиям. Не исключено, что предметом этих изысканий была астрономия, в том числе и те ее области, где она соприкасается с астрологией, хотя последнее было маловероятно. Все это я мог бы разузнать поточнее, если бы он постоянно переписывался с кем-нибудь из своих братьев, живших в Англии, или вел дневник или хотя бы пользовался записной книжкой но, увы, ни в письменном столе, ни среди бумаг я не обнаружил ничего подобного. Содержание самих бумаг было для меня темным лесом. Бесчисленные графики и чертежи состояли сплошь из одних дуг и загогулин, в которых я ничего не понял, а потому недолго думая отнес их к геометрии. Текстовая же часть была выполнена не на английском, а на каком-то древнем языке, и даже для меня, свободно читающего полатыни и еще на полудюжине языков, имеющих хождение на континенте, была абсолютно непостижимой.

К счастью, в бумагах оказалась аккуратная связка писем, и после легкого обеда, состоявшего из сыра, хлеба и кофе, я взялся за их разборку. Первое же из писем повергло меня в изумление. Оно было без адреса и имело заголовок «Звездная мудрость». Вот что гласило это письмо, начертанное затейливым почерком посредством плакатного пера:

"Именем Азатота, силой знака Сияющего Трапецоэдра, ты постигнешь все, как только призовешь Духа Тьмы. Дождись наступления ночи

и не зажигай света, ибо Тот, кто следует тропой тьмы, не показывает себя и сторонится света. Ты узнаешь все тайны. Рая и Ада. Все загадки миров, неведомых живущим на Земле, откроются тебе.

Храни терпение и помни, что, несмотря на многие невзгоды, мы по-прежнему благоденствуем и тайне от всего мира у себя в Провиденсе".

В конце стояла подпись Эйсенаф Баун (или Браун я точно не разобрал). Остальные письма были примерно в том же духе, представляя собой послания самого эзотерического толка. В них трактовались мистические материи, занимавшие умы людей в средние века в эпоху расцвета всевозможных суеверий и канувшие в небытие вместе с этой эпохой, а потому ничего не говорившие современному человеку. Какое было дело до них моему двоюродному деду если, конечно, он специально не изучал проблему возрождения мистической культовой практики в наши дни осталось для меня тайной.

Я прочел все письма до одного. Моего двоюродного деда приветствовали в них от имени Великого Ктулху, Хастура Невыразимого, Шуб-Ниггурата, Белиала, Вельзевула и так далее. Создавалось впечатление, что корреспондентами старого Бишопа только и были что одни знахари и шарлатаны, а также маги-самоучки и преступившие клятву священники. Одно письмо вы-

делялось среди прочих тем, что имело отчасти научный характер. Почерк был весьма неразборчив: хорошо читались лишь подпись Уилбер Уэтли, дата 17 января 1928 года, и место написания окрестности Данвича. С остальным текстом мне пришлось изрядно помучиться, но мои усилия были вознаграждены сторицей, ибо письмо гласило следующее.

"Дорогой мистер Бишоп!

Да, применив формулу Дхо, можно увидеть внутренний город на магнитных полюсах. Когда будете в Данвике, загляните ко мне на ферму, и я открою вам формулу Дхо. А заодно и Лхо-Хна. И еще я сообщу вам углы плоскостей и формулы между Йр и Нххнгрт.

Пришельцы из воздуха не могут обходиться без человеческой крови. Как вам известно, они получают из нее тело. Вы и сами сможете сделать это, если будете уничтожены не Знаком, а иначе. В наших краях кое-кому известно о Знаке и его силе. Не болтайте попусту. Держите язык за зубами, даже в Субботу.

Я видел вас и того, кто ходит за вами в образе женщины. Но силой зрения, которым меня наделили те, кого я вызывал, я видел его истинный лик вам он тоже должен быть известен. А потому, я полагаю, недалек тот день, когда вы сможете лицезреть то, что я вызову, в моем собственном обличий.

Надеюсь, что вас это не испугает.

Преданный вам во имя Того, Кого Не Должно Называть Вслух".

Автор письма, без сомнения, был членом той же семьи, что и Тобиас, который так боялся этого дома. Теперь мне стал понятен источник одолевавших беднягу суеверий и страхов: имея такого родственника, трудно было остаться здравомыслящим человеком. А раз мой двоюродный дед Септимус находился в дружеских отношениях с Уилбером Уэтли, то неудивительно, что другой представитель рода Уэтли считал его одного поля ягодой с Уилбером. Что бы не представляло собой это поле. Только какая тут к черту могла быть дружба? Видно, многого я еще не знал о своем двоюродном дед!

Перевязав письма, я убрал их на место и занялся конвертом с газетными вырезками, взятыми, судя до шрифту, из «Аркхэм Адвертайзер». Они оказались не менее интригующими, нежели письма, поскольку содержали сообщения о таинственных исчезновениях в окрестностях Данвича и Аркхэма, жертвами которых были в основном дети и молодые люди, а в один прекрасный день, вероятно, стал и мой двоюродный дед Септимус. В одной из заметок речь шла о том, как озлобленные местные жители заподозрили в осуществлении похищений одного из своих соседей, имя которого не сообщалось, и грозились расправиться с ним, и

как местная полиция предотвратила самосуд. Не исключено, что мой двоюродный дед живо интересовался ходом тех событий. Просмотрев вырезки, я отложил их в сторону и погрузился в раздумья. Одно место из письма Уилбера Уэтли не давало мне покоя. «Я видел вас и того, кто ходит с вами в образе женщины». В связи с этим местом мне вспомнилась фраза, оброненная Тобиасом Уэтли, когда он говорил о Септимусе Бишопе «Обоих прикончили». Прикончили. Кто знает, может быть суеверные уроженцы Данвича возложили вину за исчезновения на моего двоюродного деда, а потом и вправду его прикончили?

Внезапно у меня возникло непреодолимое желание хотя бы ненадолго покинуть дом. День был в самом разгаре, и после многочасового сидения в затхлом помещении дала о себе знать потребность в свежем воздухе. Я вышел из дома, спустился на дорогу и поч-ги инстинктивно повернул в противоположную от А,анвича сторону. Мне не терпелось узнать, что находится за домом Бишопы, а заодно и посетить ту часть речной долины, которую я разглядывал со склона холма неподалеку от входа в тоннель.

Как я и ожидал, местность оказалась глухой и Зезлюдной. Дорога с нависавшими над ней с обеих сторон деревьями и кустами выглядела совсем запущенной, вряд ли ею пользовался кто-нибудь, кроме сельского почтальона. Изредка в поле моего зрения попадала

гряды холмов, простиравшаяся по левую сторону тракта, в то время как справа тянулась извилистая лента Мискатоника, то приближаясь к дороге и следуя параллельно ей, то вновь отходя далеко в сторону. Места были совершенно необитаемые, но временами мне попадались ухоженные поля, из чего я сделал вывод, что сюда наезжают фермеры из других мест. Жилых зданий не было одни только развалины, да покинутые хозяевами фермы; не было и скота; не было вообще ничего, что бы указывало на недавнее пребывание здесь людей, если не считать дороги, которая, возможно, велла в какой-то населенный пункт.

На одном из тех участков пути, где до реки было довольно далеко, вправо от основной дороги отходило боковое ответвление, обозначенное на покосившемся указательном столбе как «Крэйри-роуд» и пестро-ржавым, заросшим травой шлагбаумом, на котором висел щит с надписью «Проезд закрыт». Ниже была приделана еще одна дощечка, предупреждавшая о том, что мост вышел из строя. Прочтя эту вторую надпись, я без колебаний свернул на боковую дорогу и шел по ней чуть больше полумили, продираясь сквозь кустарник и заросли ежевики, пока наконец не выбрался к реке и каменному мосту.

От старого моста сохранился только средний пролет, опиравшийся на два каменных быка. Один из них был заметно толще другого за счет бетонного упрочне-

ния, на котором неведомый строитель вырезал большую пятиконечную звезду. В центр звезды был вделан камень, в общих чертах воспроизводящий ее форму. Оба крайних пролета вместе с концами моста покоились на дне реки, и только средний пролет продолжал стоять как ни в чем не бывало, напоминая прохожим о том, что в этой долине некогда кипела жизнь. Как знать, подумалось мне вдруг, может быть, это и есть тот самый мост, о котором я читал в «Аркхэм Адвертайзер».

Мост был построен в чисто утилитарных целях и с эстетической точки зрения представлял собой довольно примитивное сооружение, и тем не менее я не мог оторвать от него взгляда, ибо сама древность его имела для меня притягательную силу. Безобразный бетонный нарост, покрывавший одну из его опор от основания почти до самого верха усугублял общее впечатление убожества и безвкусицы, в то же время вряд ли способствуя прочности сооружения. В любом случае мосту или тому, что от него осталось, не суждено было продержаться долго, ибо река в этом месте при очевидно небольшой глубине имела внушительную ширину, и течение воды ежеминутно подтачивало основания быков, поддерживавших средний пролет.

Я стоял и глядел на мост, пытаюсь определить его возраст, как вдруг неожиданно стемнело, и, обернувшись, я увидел огромные серые лохмотья дождевых облаков, угрожающе надвигавшиеся с востока и северо-

ро-востока и постепенно обволакивавшие небо. Я поспешил вернуться в дом. С моей стороны это было весьма благоразумно, ибо не прошло и часа, как разразилась гроза, а за ней еще одна, и еще одна; всю ночь бушевала буря, гремел гром и сверкали молнии; всю ночь каскады дождя низвергались с небес и сотнями ручьев и рек струились по скатам крыши.

III

Вследствие ли того, что за окном стояло свежее, омытое дождем утро, или по какой-то иной, не ведомой мне причине, но первое, о чем я подумал после пробуждения, был мост. Ливень уже три часа .как прекратился; реки и ручьи превратились в тоненькие струйки; крыша обсыхала под лучами утреннего солнца, и уже через час-другой должны были полностью просохнуть травы и кусты.

В полдень я отправился взглянуть на мост. Интуиция подсказывала мне, что за ночь там все переменялось, и она меня не обманула: пролета не было и в помине; поддерживающие его быки рассыпались на куски, и даже грандиозная бетонная опухоль вся покоробилась и растрескалась вероятно, в нее попала молния. Глядя на реку непомерно раздувшуюся, коричневую от поднявшегося со дна ила, я живо представил себе тот разъяренный поток, что бушевал здесь ночью, когда уровень воды в реке, как показывали берега, поднимался на два с лишним фута. Неудивительно, что мощь взбесившейся реки и попадание молнии нанесли последний, сокрушительный удар старому мосту, по которому в не столь далеком прошлом мужчины, женщины и дети переправлялись в ныне опустевшую

долину на противоположном берегу.

Камни, из которых были сложены быки, снесло на изрядное расстояние вниз по течению, а некоторые из них даже выбросило на берег, и только бетонное упрочнение все в сколах и трещинах осталось стоять на месте среднего пролета. В тот момент, когда я всматривался в ту сторону, куда устремлялся поток, и отыскивал глазами камни, взгляд мой упал на что-то белое, лежавшее далеко впереди на моем берегу почти у самой воды. Я направился туда, и то, что я там увидел, явилось для меня полной неожиданностью.

А увидел я кости, побелевшие, выцветшие кости вероятно, они долго пролежали в воде, и их только недавно выбросило на берег. Может быть, они остались от чьей-нибудь коровы, утонувшей в незапамятные времена. Но не успела эта догадка прийти ко мне в голову, как я тут же отмел ее, ибо часть костей, лежавших предо мной, явно принадлежала человеку, и, пошарив вокруг глазами, я увидел человеческий череп.

Но не все кости были человеческими. Среди них были и такие, каких мне не случалось видеть никогда раньше. Это были длинные и гибкие, как плети, кости, которые, похоже, принадлежали какому-то не до конца сформировавшемуся организму. При этом они так переплелись с костями человека, что невозможно было определить, где кончаются одни и начинаются другие. В любом случае, все эти кости надлежало предать

земле, а для этого надо было прежде поставить в известность кого следует.

Я огляделся по сторонам в поисках какой-нибудь тряпки и увидел рваный холщовый мешок, тоже, вероятно, выброшенный на берег во время бури. Я сходил за ним, вернулся и расстелил еще не просохшую мешковину рядом с костями. Затем я принялся разбирать их. Вначале я разложил их на несколько кучек, состоявших из переплетенных между собой костей, потом стал отделять их одну от другой, пока не разложил все по косточкам. Завершив эту работу, я сложил кости в мешок, взял его за четыре конца и оттащил в дом. Там я снес его в подвал, с тем, чтобы во второй половине дня отвезти кости в Данвич, а, может быть, даже и в Аркхэм. Мне и в голову не пришло, что власти вряд ли будут рады такой находке и что лучше бы мне было вообще не собирать эти кости, а оставить их там, на берегу.

Я подхожу к наиболее неправдоподобной части своего повествования. Я уже упоминал о том, что снес кости в подвал. Ничто не мешало мне оставить их на веранде или хотя бы в кабинете, но я почему-то сразу прошел в подвал и бросил мешок там. Затем я вернулся в дом и занялся приготовлением пищи, о чем не успел побеспокоиться с утра. Пообедав, я спустился в подвал за костями, намереваясь отвезти их в город и предъявить соответствующим органам.

Судите сами, как я был ошеломлен, когда, подняв

мешок, лежавший на том самом месте, где я его оставил час назад, я обнаружил, что он пуст. Кости исчезли. Я не поверил своим глазам. Поднявшись на первый этаж, я зажег лампу, спустился с ней в подвал и обыскал в нем каждую пядь. Безрезультатно. Ничто не изменилось в подвале с тех пор, как я впервые побывал в нем: окна были все так же затянуты паутиной, и, стало быть, к ним никто не прикасался; никто, похоже, не трогал и крышку люка, ведущего в тоннель. И тем не менее кости исчезли бесследно.

Я вернулся в кабинет окончательно сбитым с толку. Может быть, никаких костей не было вовсе? Но как же не было, когда я сам их нашел и принес в дом? Единственное возможное объяснение, каким бы искусственным оно ни выглядело, заключалось в том, что кости были не такими прочными, как мне показалось, и после кратковременного пребывания на открытом воздухе превратились в пыль. Но в таком случае хотя бы эта пыль должна была остаться! Между тем, я прекрасно помнил, что мешковина была совершенно чистой.

Разумеется, я не мог обратиться к властям с такой сказкой меня бы просто посчитали за сумасшедшего. Но ничто не могло помешать мне навести справки, а потому я поехал в Данвич, где из чувства противоречия первым делом зашел в магазин Уэтли.

Увидев меня, Тобиас осклабился. «Ничего я вам не продам!» предупредил он меня прежде, чем я успел

раскрыть рот. Потом он повернулся к другому посетителю пожилому субъекту неряшливого вида и нарочито громко произнес:

– Вот он, этот самый Бишоп! Сказанного было достаточно для того, чтобы субъект поспешно ретировался.

– Я хочу задать вам один вопрос, начал я.

– Валяйте!

– Я хотел узнать, нет ли на берегу реки за старым мостом какого-нибудь кладбища?

– Не слыхал о таком. А что? – спросил он с подозрением.

– Да нет, ничего, ответил я. Просто то, что я там нашел, заставило меня предположить, что где-то рядом есть кладбище.

Глаза хозяина сузились и заблестели. Он закусил нижнюю губу. Потом он вдруг побледнел, как полотно, и прошептал:

– Кости! Вы нашли кости!

– Я ничего такого не говорил, возразил я.

– Где вы их нашли? потребовал он не терпящим возражений тоном.

Я развел руками и показал ему ладони.

– Как видите, никаких костей у меня нет, сказал я и вышел из лавки.

Я направился к небольшой церквушке, которую приметил в переулке по пути в магазин. Обернувшись, я увидел, что Уэтли запер его и теперь торопливо уда-

лялся вниз по центральной улице вероятно, с тем чтобы повсюду рассказать о тех подозрениях, которые он мне только что высказал.

Надпись на почтовом ящике оповещала о том, что местного священника зовут Эйбрэхэм Даннинг... Он как раз оказался дома и сам открыл мне дверь 'этакий пухлый коротышка с румяными щечками и очками на носу. На вид ему было лет шестьдесят пять. Как бы в возмещение того морального ущерба, который я понес в лавке Уэтли, мое имя ровным счетом ничего ему не сказало.

Я с ходу предупредил его, что пришел навести кое-какие справки.

—Я к вашим услугам, мистер Бишоп, произнес он, как только мы очутились в комнате для гостей, служившей ему, вероятно, и в качестве кабинета.

—Скажите мне, ваше преподобие, вам не приходилось слышать о том, что в окрестностях Данвича есть колдуны?

Священник сомкнул пальцы и откинулся на спинку стула. На лице его заиграла снисходительная улыбка.

—Видите ли, мистер Бишоп, у нас такой суеверный народ! Здесь многие на полном серьезе верят в ведьм, колдунов и всякую нечисть из потустороннего мира, особенно после того, что произошло в 1928 году, когда умер Уилбер Уэтли и тот, кого называли его братом-двойняшкой. Уэтли вообразил себя волшебником

и все время твердил о том, что якобы кого-то там вы- звал из воздуха. На самом деле он имел в виду брата говорят, что тот был страшно уродлив вследствие ро- довой травмы. Но все эти слухи настолько запутаны и противоречивы...

—Вы знали моего двоюродного деда, покойного Септимуса Бишопа?

Он покачал головой.

—Нет, он умер еще до моего приезда сюда. Среди моих прихожан есть семья Бишопов, но я не думаю, что они его родня. Это простые, неграмотные люди. И потом, между ними нет никакого внешнего сходства.

Я заверил его, что это не наши родственники. Но к этому времени мне уже стало ясно, что здесь я не узнаю ничего полезного, а потому я поспешил откла- няться. Преподобный Даннинг отпустил меня с явной неохотой: по всему было видно, что в этой глуши он страшно истосковался по обществу образованных лю- дей.

Отчаявшись узнать что-либо новое в Данвиче, я вер- нулся домой и спустился в подвал, чтобы еще раз удо- стовериться в том, что кости исчезли. Тут меня впер- вые посетила мысль о крысах. Но если кости, действи- тельно, утащили крысы, то почему тогда я не застал их там, внизу? Значит, из подвала должен быть еще один вход!

Захватив с собой лампу, я снова спустился в подвал

и тщательно обшарил его на предмет отверстия, которым могли бы воспользоваться крысы. Я не терял надежды найти какое-нибудь естественное объяснение пропаже костей. Однако ничего похожего на такое отверстие не оказалось. Мне ничего не оставалось, как смириться с исчезновением костей, и весь остаток дня я старался о них не думать.

Но как только я заснул, меня стали преследовать кошмары: я видел, как принесенные мною кости складываются в скелет и как этот скелет облекается плотью. Я видел, как те кости, что походили на плети, срываются в нечто не от мира сего и как это нечто постоянно меняет обличья, становясь то живым воплощением вселенского ужаса, то огромной черной кошкой, то гигантским спрутом, то обнаженной блудницей, то громадной свиньей, то тощей сукой, прижимающейся к ногам своего хозяина. Я проснулся весь в поту и тут же услышал какие-то отдаленные странные звуки вначале сопенье и хныканье, доносившиеся, казалось, глубоко из-под земли, а потом дикий скрежет и треск, наводившие на мысль о какой-то разрушительной деятельности.

Чтобы стряхнуть с себя наваждение, я встал с постели и принялся расхаживать в темноте по дому, то и дело замирая у окна, чтобы поглядеть на залитый лунным светом пейзаж. Поначалу это вроде бы помогло, но спустя некоторое время меня вновь принялись му-

Читая галлюцинации мне показалось, что на опушке леса, почти вплотную подступающего к дому, стоит высокая худая фигура, а о ее ноги трется какая-то уродливая, бесформенная тварь. Видение продолжалось всего несколько секунд, после чего оба призрака скрылись в лесной чаще, куда не проникал свет луны. Вот когда я пожалел о том, что не наделен тем здравым смыслом, каким, должно быть, отличался мой двоюродный дед Септимус, ибо это новое видение было намного натуральнее тех снов, от которых мне с таким трудом удалось избавиться, и даже тех звуков, что доносились из-под земли.

Как только рассвело а это произошло довольно скоро, я взял лампу и спустился с ней в подвал. Я без труда нашел тоннель и прошел по нему к подземной комнате. Я действовал не столько по собственной воле, сколько под влиянием некой силы, которой не мог противиться. Когда я подошел к люку, ведущему в подземную комнату, мне показалось, что на земле перед ним виднеются отпечатки не только моих ног. Между чужими следами виднелась также широкая полоса, тянувшаяся со стороны двери, ведущей в лес, как если бы оттуда по земле волочили какой-то тяжелый предмет. Спускаясь вниз, я ощущал сильнейшую тревогу. Но я беспокоился понапрасну, ибо в комнате никого не было.

Высоко подняв лампу, я огляделся по сторонам. Все

осталось без изменений каменные скамьи, кирпичный пол, алтарь... Алтарь! На нем что-то темнело, какое-то большое пятно с неровными краями. В прошлый раз его там не было, это я помнил точно. Не знаю, что заставило меня приблизиться к алтарю. Я вовсе не хотел этого делать, но было уже поздно, ибо я понял то, что издали казалось темным пятном, на самом деле было лужей крови: она даже еще не просохла и влажно поблескивала при свете лампы.

Только теперь, впервые стоя так близко от алтаря, я увидел, что он весь покрыт пятнами, такими же темными бурыми пятнами, как и то, что было у меня перед глазами, но только гораздо более старыми. Стало быть, кровь проливалась здесь неоднократно.

Потрясенный увиденным, я бросился вон из комнаты, промчался по тоннелю и поднялся по лестнице в подвал. Там я остановился, чтобы перевести дух, и в этот момент до меня донеслись звуки шагов. Наверху кто-то был! Стараясь ступать неслышно, я поднялся на первый этаж.

Шаги доносились из кабинета. Я затушил лампу, ибо даже того света, что пробивался в дом через сомкнутый строй вековых деревьев, было более чем достаточно, и направился в кабинет.

За столом сидел высокий худой мужчина мрачной наружности. С его плеч ниспадала мантия. Он сверлил меня взглядом.

–Вылитый Бишоп, произнес он. Только кто именно?

–Амброз, ответил я, сглотнув слюну, сын Уильяма, внук Питера. Приехал распорядиться именем своего двоюродного деда Септимуса. А вы?

–А я и есть твой двоюродный дед Септимус, внучек. Что-то зашевелилось позади него и мелькнуло за спинкой стула. Он заслонил то, что там находилось, краем мантии, но я успел разглядеть жуткую чешуйчатую тварь с лицом миловидной женщины. В ту же секунду я упал без чувств. Когда я немного очухался, мне показалось, что он стоит рядом и обращается к кому-то со словами: «Нам придется дать ему еще немного времени».

Приоткрыв один глаз, я поглядел в ту сторону, откуда раздавался голос.

Там никого не было.

IV

Спустя четыре дня я получил первый номер «Аркхэм Адвертайзер» почтальон оставил его на возвышавшемся у ворот обломке указательного столба, придавив сверху камнем. Я забыл упомянуть о том, что во время своего посещения аркхэмской библиотеки я оформил шестимесячную подписку на эту газету. Таким способом я отблагодарил за предоставленное мне право просмотреть старые подшивки, где я искал материалы, касавшиеся моего двоюродного деда. Газета как таковая меня совершенно не интересовала, и поначалу я даже хотел зашвырнуть полученный номер куда подальше, но потом передумал и принес в дом.

Я бы и не подумал его читать, если бы мне на глаза не попался набранный крупным шрифтом заголовок, который гласил: «Исчезновения в Данвиче новая волна». Почуяв недоброе, я прочел следующие строки:

"Поступило сообщение об исчезновении восемнадцатилетнего Сета Фрая, работавшего на ферме у Говарда Коула, расположенной к северу от Данвича. Последний раз его видели три дня назад по пути из города на ферму. А два дня назад пропал без вести двадцатилетний Гарольд Сойер, проживающий на окраине Данвича. Шериф Джон Хоктон и его помощники прочесывают округу, но

пока без видимых успехов. Люди, близко знавшие этих юношей, утверждают, что у тех не было веских причин, чтобы имитировать исчезновение; таким образом, есть основания предполагать, что дело пахнет преступлением.

Наши старые читатели, наверное, еще помнят волну подобных исчезновений, имевшую место более двадцати лет тому назад и увенчавшуюся пропажей Септимуса Бишопа летом 1929 года.

Данвич типичное захолустье с довольно скандальной репутацией. Он нередко фигурирует в сводках новостей в связи с какой-нибудь странной историей, первой из которых было дело Уэтли в 1928 году..."

Я уронил газету на колени. Мой рассудок отказывался принять то единственное объяснение, которое напрашивалось в отношении всех этих событий. Именно в этот момент я и принял решение предать бумаге все, что знал и чему был свидетелем. Я надеялся, что, расположив все события по порядку, я смогу увидеть их в истинном свете. Пока что у меня в голове царил полный хаос: я вспоминал то об исчезнувших из подвала костях, то о словах Уилбера Уэтли в письме к моему двоюродному деду:

«Пришельцы из воздуха не могут обходиться без человеческой крови. Они получают из нее тело... вы тоже сможете это делать...»

, то о таинственном возвращении и не менее таинственном исчезновении Септимуса Бишопа, который с тех пор, как я встретил его в кабинете, больше не появлялся.

Я швырнул газету на пол. В голове у меня воцарился еще больший хаос, чем прежде: предания о колдунах и чародеях мешались со всевозможными поверьями, вроде того, что в проточной воде могут обитать духи, ведьмы и прочая нечисть. Мой здравый смысл задышался под натиском суеверий и предрассудков. Внезапно меня охватило непреодолимое желание узнать обо всем как можно больше. Я выбежал из дома, изрядно исцарапавшись о кусты ежевики, спустился по тропинке к автомобилю и поехал в Данвич.

Едва я ступил ногой в магазин Тобиаса Уэтли, как он набросился на меня с криками.

—Убирайтесь! Я не стану вас обслуживать! орал он, брызгая слюной и сверкая глазами. Это все, вы, вы!

Он не давал мне открыть рта.

—Убирайтесь вон из города, пока это не повторилось! Мы сделали это тогда сделаем и теперь. Я знал того парня, Сета. Он был мне как родной сын. Это вы во всем виноваты, вы и все ваше бишоповское отродье!

Перед лицом такой лютой злобы мне ничего не оставалось, как убраться восвояси. Пока я шел к автомобилю, я видел, как другие жители Данвича, сбившись в кучки вдоль улицы, смотрят мне вслед с неприкры-

той ненавистью. Я сел в автомобиль и покинул город. Впервые в жизни я воочию убедился в том, какую власть над человеком имеет страх перед неведомым страх, перед которым отступает здравый смысл.

Вернувшись в дом Бишопа, я взял лампу, спустился в тоннель и прошел по нему к люку, ведущему в подземную комнату. Едва я приподнял крышку, как на меня дохнуло таким смрадом, что я почел за благо остаться наверху. Запах, скорее всего, исходил от того, второго, отверстия, в которое я ни разу не удосужился заглянуть, ибо в самой комнате насколько я мог видеть при тусклом мерцании лампы ничто не изменилось со времени моего последнего посещения. Я опустил крышку люка и поспешил вернуться тем же путем, каким пришел. Вопреки всем доводам здравого смысла, теперь я знаю, какой ужас, сам того не желая, я навлек на Давидич ужас, который до поры до времени таился в среднем пролете...

* * *

Позже. Мой двоюродный дед Септимус только что оторвал меня от кошмарных снов, положив мне на плечо свою тяжелую руку. Открыв глаза, я различил во тьме его смутный силуэт, а за ним белую фигуру обнаженной женщины с длинными волосами и горящим

взором.

–Внук мой, мы в опасности, сказал мне двоюродный дед. Уходим.

Они оба развернулись и вышли из кабинета. Я вскочил с постели, на которой спал, не сняв одежды, и теперь спешу дописать эти заключительные строки в свой отчет о происшедшем.

Отсюда мне видны огни множества факелов. Там, на лесной опушке, собрались озлобленные жители Данвича. Я знаю, что у них на уме. Мой двоюродный дед Септимус и его спутник ждут меня в тоннеле. У меня нет другого пути.

Если только они не знают о существовании той двери, что выходит в лес...

* * *

На этом рукопись Бишопы обрывается. А через одиннадцать дней после того, как дом старого Бишопы сгинул в огне пожара, «Аркхэм Адвер-тайзер» опубликовал следующую заметку (любители курьезов найдут ее на развороте):

«Данвичцы в своем амплуа. После таинственного исчезновения Амброза Бишопы данвичцев вновь одолел строительный зуд. Старый мост по Крэйри-роуд, который полностью снесло во время недавнего кратковременного

разлива реки Мискатоник, по-видимому, имеет в глазах жителей Данвича какую-то особую прелесть, иначе вряд ли бы они стали отстраивать заново и притом в бетоне один из центральных быков, да еще и украшать его тем, что местные старожилы именуют „Знаком Властителей Древности“. Все попытки нашего репортера добиться от данвичцев хоть сколько-нибудь вразумительного объяснения этому факту остались без успеха...»